

Андрей Плеханов

Левый глаз

*Часть сборника
Левый глаз (сборник)*

Андрей Плеханов

Левый глаз

«Автор»

2004

Плеханов А. В.

Левый глаз / А. В. Плеханов — «Автор», 2004

«Павел в очередной раз пробежался по каналам, убедился, что все, что показывает телевидение, ему ненавистно, выключил гнусный ящик и осторожно встал с дивана. Левое колено хрустнуло, стрельнуло болью по ноге. Павел пробормотал привычную порцию ругательств и, хромя, поплелся в прихожую. Здорово, наверно, не быть врачом и не знать, откуда приходит твоя боль. Не представлять при каждом щелчке в ноге, как гладкая поверхность мышелка миллиметр за миллиметром становится шероховатой, как истончается хрящ, как микроскопические порции крови выплескиваются в полость сустава, деляя его все менее работоспособным...»

© Плеханов А. В., 2004

© Автор, 2004

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

16

Андрей Плеханов

Левый глаз

(Повесть)

*Но ежели некий ангел
Случайно зайдет сюда,
Я хотел бы знать,
Что ты ответишь ему.*

Борис Гребенищikov

Павел в очередной раз пробежался по каналам, убедился, что все, что показывает телевидение, ему ненавистно, выключил гнусный ящик и осторожно встал с дивана. Левое колено хрустнуло, стрельнуло болью по ноге. Павел пробормотал привычную порцию ругательств и, хромя, поплелся в прихожую.

Здорово, наверно, не быть врачом и не знать, откуда приходит твоя боль. Не представлять при каждом щелчке в ноге, как гладкая поверхность мышелка миллиметр за миллиметром становится шероховатой, как истончается хрящ, как микроскопические порции крови выплескиваются в полость сустава, делая его все менее работоспособным.

Артроз – вот как называется эта штука.

Павел смутно помнил то время, когда еще не был врачом. Кажется, он был доктором всегда. Двадцать лет в больнице – не такой уж большой срок, что и говорить, но два десятилетия работы без продыха, с постоянными дежурствами по ночам, с бесчисленными командировками в районы, с уполовиненными выходными выпьют соки хоть из кого. Из Павла – выпили. Каждый день он приходил домой в шесть, в семь, а то и в восемь, без удовольствия съедал то, что приготовила жена, валился на диван, включал телевизор и тарачился в экран, не понимая, что ему показывают. Голова его была набита ватой, и чтобы прочистить ее хотя бы чуть, требовались химические ингредиенты.

– Нин, я в магазин схожу! – крикнул Павел.

– Опять за коньяком? – возмущенно отозвалась жена из-за закрытой двери. – Паш, ну сколько я тебе говорила...

Ага. Опять. Стандартный сценарий, повторяющийся как минимум пять раз в неделю. Фальшивое возмущение и наигранное беспокойство о «спивающемся» муже. Дураку понятно, что Паша не напьется – он никогда не позволяет себе лишнего. Дернет сто пятьдесят дербентского пятизвездочного, улыбнется счастливо – в первый раз за весь вечер. Почистит зубы, тихо заползет в постель и заснет. Чтобы в полседьмого утра восстать для жизни аки феникс из пепла. Для медицинской жизни, бредущей в обнимку со смертью.

Павел Михайлович Мятликов славился в своей больнице тем, что не пил спиртного. Не пил на работе – никогда и ни с кем. Даже на больших официальных застольях – таких, как День медицинского работника – чокался со всеми минеральной водой. В командировках мужественно противостоял натиску увесистых главврачей, раскормленных председателей колхозов и полуторцентнеровых глав местных администраций, безжалостно обламывал их, лишая удовольствия хряпнуть с доктором Мятликовым стаканчик водки, или вина, или лучшего, со звробоем и брусничным листом, самогона. Потому что Павел пил один. Только так и не иначе.

Праздник душиеспасительного коньяка – интимный час, единственное светлое пятно в грязном, потерявшем яркие цвета мареве дня. Праздник не может быть испорчен посторонними лицами – как примелькавшимися, так и новыми. Что интересного могут сказать Павлу люди, случайно прибившиеся к столу? Поведать о своих проблемах? Он и так варится в каше чужих горестей с утра до вечера. Объяснить ему, Павлу Михайловичу, какой он классный спе-

циалист и отличный мужик? Первое Павел знает давно, второе – откровенная ложь. Он не отличный и не мужик. Он усталый рабочий мерин, потерявший интерес к жизни, привычно волочащий ноги по утоптанному кругу без начала и конца.

Это даже нельзя назвать депрессией или кризисом среднего возраста. Ибо автоматы не предрасположены ни к депрессии, ни к кризисам. Человек, ведущий механическую жизнь – что же здесь особенного? Многие живут так: метроном размеренно щелкает, отсчитывая секунды-дни-годы. Дорога гладка и прямолинейна, никаких разветвлений и крутых поворотов не предусмотрено. Все, чего стоило достичь, уже достигнуто. Все, что когда-то будило душу, ныне приелось и обрыдло. Детей у Павла и Нины не будет – это стало очевидным лет десять назад и давно уже не вызывает ни боли, ни даже горестного отзвука в душе. Конечно, еще не поздно сменить жену, бросить Нину, жениться на какой-нибудь молоденькой девчонке и попробовать сделать сына или дочку. Но Паша не бросит. Зачем бросать жену? Это нехорошо. К тому же, стоит признаться честно, Павлу совсем не хочется менять свою жизнь, переворачивать ее с ног на голову. Бытие его скучно и тривиально, он осознает это, но вряд ли может вылепить что-то лучшее из глины, чавкающей под ногами.

Павел посмотрел в зеркало. Из сумрачной, обитой деревянными рейками прихожей глядел полноватый мужчина старше сорока. Время смазало некогда правильные черты его лица, оттянуло вниз щеки, прорезало унылые носогубные складки, выпятило мешки под глазами. Год за годом физиономия Паши оплывала как старая фигура из пластилина, становилась все более обрюзгшей, и ничего с этим поделать было нельзя. Волосы еще не утратили природной пышности, но пятна седины придавали им пегий окрас. Это не радовало, но, впрочем, и не слишком огорчало. Пациентам и особенно пациенткам Павел Михайлович нравился. Он представлял собою устоявшийся тип спокойного, умного мужчины – такого, которому можно довериться. Человек, в чьем присутствии можно не стесняться своих физических недостатков, потому что и сам он далеко не идеален. Доктор, перед которым не стесняешься раздеться.

– Нин, чего купить? – крикнул из прихожей Павел.

– Сыру купи, – откликнулась жена. – И йогурта мне на утро. «Данон» за двенадцать пятьдесят.

– Ладно, – буркнул Паша.

Конечно, можно было открыть дверь в комнату. Поинтересоваться, что делает Нина, переброситься парой слов. Но Павел и так прекрасно знал то, что увидит. Жена, кресло, компьютер, «крестики-нолики». В такой вот неизменной последовательности. Паша не мог понять, как можно из года в год играть по три часа ежедневно в одну и ту же примитивную игру, однако стабильность, какой бы она скучной ни была, лучше непредсказуемых изменений, и, значит, не стоит беспокоиться. Жена гарантированно будет ждать его. Потому что ей нужен «Данон» на утро.

Он натянул куртку-ветровку, скинул шлепанцы и сунул ноги в разношенные туфли. Покинул квартиру и поплюхал вниз по лестнице. Начал свой неспешный вечерний моцион.

Коньяк продавался в любом из трех ближайших к дому магазинчиков, но Павел неизменно добирался до большого супермаркета «Евроспар». Двадцать пять минут туда, двадцать пять обратно. Итого пятьдесят. Для большого колена не слишком приятно, но, безусловно, полезно. Нужно мучить хрусткое колено, заставлять работать сустав, чтоб не заостенел окончательно.

«Евроспар» – новехонький, построенный лишь год назад огромный ангар из белой жести – услужливо раздвинул стеклянные двери перед Павлом. «Тойоты», «Ауди», «БМВ» и «Мерседесы» выстроились рядами на парковке перед магазином. Владельцы дорогих авто, отягощенные осознанием собственной значимости, чинно обходили хромого доктора Мятликова, многие из них здоровались с ним, он молча кивал в ответ, боясь нарваться на разговор – среди посетителей супермаркета было немало его пациентов. Взял тележку, покатыл ее перед собой

мимо полок с тропическими фруктами, мимо штабелей разноцветных коробок с соками, мимо стеклянных прилавков, заваленных мясными и рыбными продуктами. Павлу хватало денег, чтобы закупить изысканных деликатесов – зарабатывал он вполне достаточно и тратил денег много меньше, чем мог себе позволить. Но еда мало интересовала его. Ел он понемногу – клевал как птичка... увы, это не сказывалось на лишнем весе, прибывающем год от года.

Павел склонился над россыпью расфасованных кусков сыра, поднял первый попавшийся, равнодушно повертел его в пальцах и кинул в тележку. Вот и все. Теперь добрести до коньяков, взять плоскую бутылочку дербентского, расплатиться и дойти до дома, – не спеша, получая удовольствие от теплого сентябрьского вечера, в предчувствии славной, согревающей желудок жидкости...

Он выпрямился и уткнулся взглядом в Экзофтальмика.

Павел сам дал ему такую медицинскую кличку – Экзофтальмик. А как еще можно назвать человека, левый глаз которого почти вывалился из орбиты и уродливо нависает над щекой, наводя на мысль о третьесортном американском фильме ужасов. Этаким почти анатомический препарат – глазное яблоко с мутно-голубой радужкой, с красными прожилками на желтоватой склере. Веки моргают, но могут закрыться – не достают и до половины яблока, однако глаз еще жив, поворачивается синхронно с другим, здоровым глазом и смотрит печально и укоризненно.

У этого человека, без сомнения, была опухоль глазницы – она росла за глазным яблоком и бессовестно выдавливала его наружу, как кукушонок выталкивает из гнезда последнего выжившего птенца. Скорее всего глаз ничего уже не видел, его давно нужно было удалить, вылущить, добраться до зловредной опухоли, вырезать ее и не дать распространиться на мозг. Павел не знал, почему хозяин уродливого глаза не обращается в клинику – в конце концов, бесплатную медицину в России никто еще не отменял. Его бы прооперировали, и если б не спасли жизнь, то продлили ее – точно. Наверное, уже поздно: рак дал метастазы в мозг, Экзофтальмик сбрендил и ему глубоко до лампочки, как плохо он выглядит и как скоро умрет.

В этом случае непонятно было другое – почему несчастный живет так долго. Уже почти год Павел видел его каждый вечер на одном и том же месте – в правом крыле «Евроспара». Экзофтальмик сомнамбулически крейсировал между полками с молочными продуктами и пакетами с замороженными овощами, то застывая в оцепенении на две-три минуты, то перебирая длинными кривыми пальцами цветные баночки с творогами и пудингами, то семена через зал мелкими неуверенными шажками, периодически поворачиваясь вокруг собственной оси. Он давно уже должен был умереть – с такой-то опухолью. Однако жил, и кажется, не собирался отбрасывать копыта, и приходил в супермаркет как на дежурство, проводя здесь каждый день, насколько мог судить Павел, не меньше трех-четырёх часов.

Павел увидел, как Экзофтальмик приподнялся на цыпочках, протянул правую руку к третьей полке и застыл в неудобном положении – подобно больному, впавшему в каталепсию. Губы Экзофтальмика непрестанно двигались – он беззвучно шептал что-то, дрожащие его пальцы ощупывали коробки с печеньем, левая рука, чуть отставленная в сторону, сжимала ручку корзины. Павел сделал шаг назад и посмотрел на покупки доходяги. Там лежала половинка ржаного, банка молдавской маринованной свеклы, развеселая открытка с надписью «С Днем Варенья, Мой Пупсик!» и кусок копченой форели в вакуумной упаковке с ценой на ярлычке: 180 рублей. Недешевая рыбка, следует признать. Хватит ли бедолаге денег, чтобы заплатить? И будет ли он платить? Может быть, у него просто вежливо изымут форель и вернут на место, а он даже не осознает, что произошло? Не производит он впечатление человека в своем уме, вот оно что. Обтрепанное клетчатое пальто с поясом и широкими лацканами – отрыжка советской универмаговской моды восьмидесятых годов. Фетровый картуз на голове. Мохеровый ядовито-зеленый шарф. Короткие коричневые брюки, едва достающие до лодыжек. Древние ботинки – сбитые набок, с полустертыми каблуками. Бомж? Да нет, совсем нет. Бомжа в этот приличный магазин не пустят – отловят квадратные молодцы-секьюрити еще на

входе, вежливо выведут за угол, объяснят, чтоб больше не появлялся и дадут мощного пинка в напутствие. С Экзофтальмиком так не поступят. Человечек он бедный, больной, в то же время аккуратный и безобидный. Таких жалеют.

Человек со свисающим глазом вцепился тем временем в картонную коробочку, стащил ее с полки, непостижимым образом умудрившись не порушить ряд пачек, стоящих выше, сгорбился, поднес почти к самому лицу и подслеповато уставился на надпись – как показалось Павлу, не здоровым глазом, а именно больным. Экзофтальмик мешал свободному движению посетителей магазина, но те не возмущались, даже не просили подвинуться – просто обтекали его. Среди здоровой и благополучной жизни супермаркета пучеглазый уродец являл собой островок болезни, нищеты и близкой смерти. Он наводил на грустные мысли. И люди держались от него подальше, избегали, как избегают всего неприятного.

Паша не знал, что толкнуло его, что пронзило болью сердце и заставило сделать шаг вперед. Он вдруг обнаружил, что стоит вплотную к Экзофтальмику и держит его за рукав.

– Извините, вам не нужна помощь? – спросил Павел. – Вы хорошо себя чувствуете?

– Помощь, помощь? – глухим голосом переспросил человек. – Мне – помощь, помощь? Зачем, зачем?

Он повернулся, поднял лицо, и Павел вздрогнул. На близком расстоянии уродство бедолаги было почти непереносимым – хотелось отвернуться и убежать. Ось больного глаза сместилась внутрь, и даже если глаз мог видеть, то не одновременно со здоровым. Поэтому Экзофтальмик рассматривал Павла обоими глазами по очереди – как выползший из норы рак, и длинное перекошенное лицо его дергалось в тике.

– Я врач, – тихо, стараясь не привлекать внимания окружающих, произнес Павел. – Врач, понимаете? Я работаю в хорошей клинике. Мне кажется, что у вас проблемы со здоровьем...

– Врач, врач, – перебил его Экзофтальмик. – Зачем, зачем врач? Все хорошо, да, да.

– Ваш глаз, – настойчиво сказал Павел. – Он совсем не в порядке. Вам нужно пойти в поликлинику по месту жительства, пройти обследование у офтальмолога. У вас есть полис медицинского страхования?

– Полис, – человек неожиданно улыбнулся, обнажив кривые зубы, и стал при этом еще более уродлив. – Полис – это город. Город, да. У меня нет города, города. Город – плохо. Только роща. Тенистая роща, роща. Оливы, дубы, дубы, стройные кипарисы и широколистные каштаны, каштаны. Видишь ли ты мою рощу, о златокудрый красавец?

Экзофтальмик вырвал рукав из оцепенелой пашинной хватки и обвел рукой широко вокруг себя.

– Роща тенистая, полная сладостной неги, – провозгласил он. – Где в роще цветущей кустарник густой простирается. Самые нимфы явились, живущие в чащах прекрасных, и в источниках светлых, и в злачноцветущих долинах.

Он перестал повторять слова по два раза, голос его утратил дребезжание, набрал силу. В здоровом глазу появился блеск. И все это только подтверждало его несомненное сумасшествие.

– Где роща? – тупо спросил Мятликов. А что еще он мог спросить?

– Здесь. Здесь роща, роща, – громко зашептал Экзофтальмик. – Прямо здесь, здесь! Ты не видишь ее? Она так красива!

– Уфф... – Павел провел рукой по вспотевшему лбу. – Извините, как вас зовут?

– Меня, меня?

– Да, вас.

– Я – Бассарей. Бассарей Сабазидис. Хозяин рощи, рощи.

«Сабазидис, – подумал Павел. – Что-то греческое? Ври, да не завирайся. Из тебя, голубоглазенький, такой же грек, как из меня негр. Сдвинутый ты по фазе, вот оно что. Полный псих. К счастью, безобидный. Во всяком случае, будем на то надеяться».

– Ладно, извините, – Павел криво улыбнулся, примирительно махнул ладонью. – Не буду вас больше беспокоить. Только еще раз повторяю: ваш глаз нужно лечить, пока не поздно. Понимаете? Сходите в поликлинику.

– Глаз, глаз? – Сабазидис или как-его-там нежно дотронулся пальцами до покрасневшего века, задумчиво выпятил нижнюю губу. – Зачем, зачем? Глаз хороший. Самый лучший, лучший. Он лечит меня, а не я его. Несет радость.

– Он убьет вас, если вы вовремя не спохватитесь, – не выдержав, заявил Павел. – Это же явная онкология...

– Смотри, незнакомец! Я покажу тебе, тебе!

Человечек протянул худую костлявую кисть и схватил Павла за руку. Павел судорожно дернулся – не тут-то было, Сабазидис держал его словно клещами. Паша повернул голову в поисках охранника, оглянулся и обомлел.

Пространство супермаркета истаивало, прилавки, полки и шкафы дрожали и растворялись, уходя в небытие. Сквозь сумеречную, полупрозрачную завесу проступили силуэты деревьев, увенчанные темно-зелеными кронами. Пол потерял ровность, вспучился пригорками, покрылся мягкой травой, украсился россыпями ярких цветов. Сладкое винное благоухание разлилось в воздухе. Людей стало меньше, но те, что остались, переменились внешне – утратили одежды и предстали в наготе, совершенство коей вряд ли можно было подозревать в степенных обитателях большого города. Обнаженные женщины в венках из тиса носились по поляне, играли в догонялки, стараясь запятнать друг друга жезлами, обвитыми плющом. Они смеялись и кричали: «Иакх, эвоэ», длинные их волосы развевались по ветру. На большом валуне, поджав ноги, сидел юноша в белом хитоне и играл на свирели, выводя незатейливую мелодическую фразу, повторяющуюся раз за разом. Рядом с музыкантом толпились уродливые сатиры – они трясли бородами, пьяно притоптывали в танце, гремели тимпанами и нестройно пели-блеяли на незнакомом языке. Странные эти твари напоминали мускулистыми торсами культуристов, ноги их были козлиными, хвосты лошадиными, рога торчали из нечесаных грив, наводя на мысль о чертях из ада. А тот, кто держал Павла за руку, не был уже больным и безобразным – перед Пашей возвышался высокий молодой мужчина с безупречными эллинскими чертами лица, с добрыми и веселыми глазами, в венке из виноградных листьев.

– Дары, – произнес он голосом высоким и нежным. – Я должен выбрать дары для своих любимцев, для тех, кто отличился в этот вечер, кто пел и танцевал лучше всех, кто доставил сердцу моему наибольшую радость. Должен наградить их. Это непросто – выбрать дары. Но я выбрал и пришел сюда, в мою рощу, чтобы наградить достойных. Я прихожу сюда каждый день, всю мою жизнь. Лучшие должны быть обласканы и одарены. Их души преисполнятся восторга. Они ведь не зря старались – не так ли?

Паша обалдело кивнул. Взгляд его уткнулся в корзину, сплетенную из прутьев – в ней стоял глиняный кувшин с вином, лежали тяжелые гроздья винограда и лепешки мягкого желтого сыра.

– Вот это фокус, – пробормотал Павел. – Как вы это делаете?

– Что делаю?

– Ну, эти вот ваши картинки. Пьяные козлолюди и голые девы меж деревьев.

– Я ничего не делаю. Сие не обман, но настоящая жизнь. То, что есть на самом деле. Нега, услада, музыка и пляски.

– Ерунда. На самом деле здесь супермаркет – толпы людей, закупающих колбасу, мороженных куриц и водку.

– Твое скучное, изуродованное городом бытие и есть обман. Переступи чрез порог лжи и увидишь истинное. Обретешь настоящую жизнь.

– Хватит! – Мятликов дернулся всем телом, вырвал руку из цепкой хватки Экзофтальмика.

И тут же магазин снова стал магазином – резко сменил декорацию, словно вставили новый слайд. Павел поймал на себе десятки чужих взглядов – любопытствующих, назойливых, втянул голову в плечи, повернулся и заспешил прочь от пучеглазого калеки.

– Бред, – шептал Павел, – бред собачий. Галлюцинации... Как он это делает? Какая разница – как? Не мое это дело, рано мне еще становиться параноиком...

Почему-то он опасался, что Экзофтальмик Бассарей догонит его, схватит, снова погрузит в безумное действо под названием «Легенды и мифы древней Греции», но на этот раз не будет столь добрым – натравит на него своих кошмарных сатиров и девок-менад, по всем канонам должны быть неистовыми и кровожадными, и те порвут бедного Пашу в кровавые клочья... Павел не раз оглянулся через плечо – никто и не думал преследовать его. Он благополучно добрался до полок со спиртным, цапнул коньяк, заплатил в кассе и пулей вылетел из «Евроспара». Как добрался до дома – уж и не помнил. И перестал вздрагивать только тогда, когда выхлебал стакан дербентского в три глотка.

От шизиков нужно держаться подальше – это ясно всякому здравомыслящему человеку.

«Так я и буду делать дальше, – сказал себе Павел. – К чертовой матери этот «Евроспар», если он не беспокоится о своих посетителях и позволяет всяким больным уродам нападать на приличных людей. Коньяк можно купить где угодно».

Эта мысль успокоила доктора Мятликова. Доктор Мятликов лег спать и уснул.

* * *

Следующим утром Павел почти не помнил о неприятном происшествии в супермаркете. Честно говоря, не до того ему было – как всегда, накатила волна срочной работы и захлестнула с головой.

В прошлом терапевт, Мятликов шесть лет назад получил специализацию по ультразвуковой диагностике и сейчас занимался в основном обследованием беременных. С помощью японского сканера «АЛОКА» заглядывал внутрь материнского чрева, видел там плод – живой,двигающий ручками и ножками, сосущий палец и даже улыбающийся. Павел определял, все ли у плода в порядке, нет ли у него явных или скрытых пороков, производил замеры, запускал программу, и компьютер обчислял десятки параметров, показывающих, нормально ли развивается будущий гражданин Российской Федерации.

В десять утра позвонили из реанимации.

– Павел Михалыч, – сказал заведующий отделением Топыркин А.А., – работа для тебя есть цитовая¹. Будь добр, подойди, сделай УЗИ. Прямо сейчас.

Павел невесело вздохнул. В коридоре возле его кабинета сидела очередь человек из пятнадцати, а может, и двадцати. Вели они себя нервно, как и положено больным, – каждый считал, что его обязаны пропустить вне очереди, потому что он беременный, или диабетик, или ветеран войны, или почетный донор, или депутат, или инвалид труда, или лично от Юрия Исааковича... Народ в коридоре шумно переругивался, качал права, набрасывался на медсестру Веру Анатольевну с требованием объяснить, почему такое безобразие, отчего доктор так медленно работает, с какой стати не принимают без статталонов и так далее... Павел работал настолько быстро, насколько мог, за два часа уже выполнил половину положенной ему дневной нормы, но очередь не убывала – напротив, становилась все длиннее. В общем, имела место обычная производственная обстановка государственной клиники.

– Что там? – спросил он Топыркина. – Опять хирурги жидкость в животе требуют найти? Позвони Гале, у нее сегодня запарка меньше, она посмотрит.

– Нет. Я же говорю – ты здесь нужен. Беременную посмотреть.

---

¹ Срочная (врачебный сленг). От лат. cito – срочно.

– А что с ней?
– В коме она. На ИВЛ².
– Понятно... – Павел вздохнул еще раз. – Ладно, через десять минут буду. Ставьте аппарат.

* * *

Любимый вопрос, который беременные задавали доктору Мятликову, был таков: «Кто там?» Означало это: «Кто там, мальчик или девочка?» Павла сей неграмотный вопрос раздражал. Обычно он отвечал: «Что значит кто? Что вы имеете в виду – фамилию?», иногда снисходил до почти вежливого «Потерпите до конца обследования». Беременная, которая лежала сейчас перед Павлом, не могла задать вопрос. Но если бы и спросила: «Кто там?», Павел не смог бы ей ответить.

Кто, кто? Черт его знает...

Существо, что жило и бултыхалось в солоноватых водах внутри матки, если и было человеком, то только отчасти.

Мятликов уже изучил историю болезни пациентки, выяснил, что ни имя, ни фамилия ее не известны, что найдена она вчера на улице в бессознательном состоянии и доставлена в больницу машиной скорой помощи. Исследование выявило острое нарушение мозгового кровообращения, пациентка находится в состоянии глубокой комы и попытки привести ее в чувство пока не дают результата.

Кто она такая? Какая-нибудь алкоголичка или наркоманка? Не похоже. Интуиция доктора Мятликова, негативный опыт исследователя человеческих тел подсказывал ему, что это не так. Девушка была юна, не старше двадцати пяти лет, и красива. Красива, впрочем, относительно – хоть кого может изуродовать идущая в трахею трубка, вставленная в насильно разверстый рот и присоединенная к гофрированному шлангу аппарата искусственной вентиляции легких. Не добавляли очарования также иглы и катетеры, воткнутые в вены, обведенные синими окружками лопнувших кожных капилляров, прилепленные полосками пластыря и продолженные прозрачными трубками капельниц, сквозь которые медленно текли жидкости, должны поддержать механическое функционирование мертвого уже тела.

Мертвого – в этом Павел не сомневался. Можно прибегнуть к помощи хитроумных приборов, чтобы спрогнозировать, сколько еще часов-дней-недель протянет тот или иной организм, лежащий на широких, полутораспальных, оптимистично сверкающих никелем и все же безнадежно унылых кроватях реанимационного отделения. Можно, и Павел делал это ежедневно – с утра и чуть ли не до вечера. Но Павел получал подобную информацию и иным, ненаучным образом – сразу, как только наклонялся над пациентом и втягивал воздух ноздрями. Мятликов чуял носом. Флюиды разложения, молекулы близкой смерти витали в воздухе реанимации, наполняя его сладким душком, почти невыносимым для постороннего. Мятликов привык. Научился вычленять из общей вони слабые струйки аромата, идущего от горячечных, или напротив, трупно-охладевающих, раскиданных в неестественных позах по кроватям отделения кандидатов в покойники.

Он хотел бы, чтоб девочка выжила. Такое могло случиться, с немалой притом вероятностью... с кем угодно, только не с ней. Она была достойна жизни больше, чем многие другие, бессмысленно влачащие скрипящую повозку существования. Достойна более, чем сам он, доктор Мятликов. Если бы некий бес, или ангел (какая разница?) зашел в палату и предложил размен – его жизнь на жизнь девушки, – Паша махнулся бы не глядя, с блаженной улыбкой

---

² ИВЛ – искусственная вентиляция легких.

премудрого дурачка, и закончил бы свое пребывание в мире сущем без жалости, с осознанием, что сделал хоть что-то полезное, или хотя бы красивое, или хоть что-то спасительное для души.

Ангел не зашел. От мертвой, красивой, посмертно изуродованной девушки безнадежно пахло могилой. Если кто-то и узнает, кем она была, кто убил ее, что убило ее, то это будут следователи, хитроумные милицейские сыщики, но никак не медики. Единственный ритуал, который следовало исполнить в память о прошедшей жизни – узнать, что творится с ее неродившимся ребенком.

Оглядывая вздутый живот, возвышающийся над телом беременной подобно надгробному холму, Павел сказал себе: «Не меньше тридцати четырех недель». И не ошибся, как обычно. Можно быть мудаком по жизни, но пропить профессиональные навыки он еще не успел, и полагал, что до пропития оных при нынешних его темпах осталось как минимум лет пятнадцать-двадцать. Что весьма немало, учитывая современные темпы алкоголизации населения.

Измерение головки плода показало: беременность сроком тридцать пять с половиной недель. Чуть-чуть пациентка не дотянула. Доктору Мятликову в пору было показать самому себе большой палец, вздохнуть с предварительным облегчением и вознадеяться хотя бы на спасение ребенка... если бы только из головки плода не торчали два небольших бугорка. Это напрочь портило благополучную картину, отменяло возможный триумф по искусственному родоразрешению, переводило плод, плавающий во чреве мертвой матери, в разряд безнадежно бесперспективных уродцев. Роженица мертва, у плода посредством ультразвукового исследования выявлен комплекс хромосомных мутаций. Проблема закрыта, да? Что дальше? Дальше все просто: вскрыть трупы – один большой, другой совсем маленький, а затем хранить их в холодильнике морга, пока менты не скажут: все, срок прошел, закапывайте. Или разбирайте на препараты для студентов (что еще более вероятно).

Павел оторвал датчик от бледной кожи беременной, сунул его в гнездо аппарата, отер рукавом халата пот, крупными каплями выступивший на лбу. Давно он не чувствовал себя настолько странно – не то что бы плохо или хорошо, вообще никак, подобно лягушке, упавшей в сметану и бьющейся в попытках выбраться. Из-под ног доктора вышибло всякую твердую почву, он заболтался в воздухе подобно висельнику, только вот без веревки на шее – хотя бы малой привязки к чему-то материальному (к деревянной перекладине?). Невесомость вздернула желудок к самому горлу, заставила его сократиться в тошнотных спазмах. Паша с трудом разогнул ватные ноги, поднялся, добрался до раковины, плеснул на лицо пригоршню холодной воды.

Черт... что с ним творится? Сколько раз он определял, что плод уродлив и нежизнеспособен... Как много раз сообщал беременной, глупо, в предвкушении грядущего счастья улыбающейся, что ничего не получится. Что, увы, у плода отсутствует мозговой череп, это называется анэнцефалия, да, да, он умрет сразу, такие не живут... не плачьте, пожалуйста, идите к врачу-генетику, он все вам объяснит, ну не плачьте же, право, ничего тут не поделаешь. Другой вариант: извините, у вашего плода хондродисплазия, с этим ничего уже не поделаешь (как заученное заклинание), видели карликов в цирке? – длинное туловище, короткие ручки и ножки, вы в этом совсем не виноваты (генетик скажет, что виновата, такие вещи не случайны, но это дело доктора в кабинете номер два, его несчастная судьба, его доля разъяснений), идите к генетику, он вам все объяснит...

Кто бы сейчас объяснил хоть что-нибудь доктору Мятликову. Кто бы утешил его: ничего страшного, бывает такое и не стоит психовать, сходите с ума и впадать в предобморочное состояние.

Не бывает такого. Просто быть не может. Если бы только рожки... Выпуклые уплотнения теменных костей черепа, не описанные ни в одном из справочных пособий, ни у Медведева, ни у Демидова, ни даже у Ромеро. И хрен бы с ними, с рожками. Но вдобавок к тому

– рудимент хвоста... какой там рудимент, самый настоящий хвост, состоящий как минимум из десяти малых позвонков, продолжающих копчик. Весело виляющий хвостик, оснащенный длинными нитями, кои неизбежно приходится трактовать как волосы, подобные лошадиным. А еще – кривые ножки, которые очень хочется назвать деформированными, но вовсе они не деформированы, просто форма у них такая – не человеческая, а звериная. Точнее, козлиная. И заканчиваются они, как и положено, раздвоенными копытцами.

Во всем виноват Экзофтальмик.

Лишь вчера Паша вступил в разговор с ним в супермаркете, а сегодня нарвался на продолжение галлюцинации. Что это еще, если не бред наяву – ну как можно поверить, что в матке обычной женщины (ну пусть необычной, пусть в коме, пусть...) бултыхается эмбрион козлого сатира. Плавает себе, сосет палец, машет ручкой, и, кажется, даже улыбается.

Существовал простой способ убедиться в том, что все происходящее – наваждение. Позвать кого-нибудь из коллег и продемонстрировать им эхограмму. Однако Павел никого не стал звать. Вместо этого он нацепил на датчик насадку для трехмерной реконструкции, сделал несколько срезов, записал их на видеокассету, сунул ее в карман халата и выключил аппарат. Исследование закончилось.

– Ну что там? – спросил Топыркин, когда Павел заглянул в ординаторскую.

– Ничего особенного, – сказал Паша, подавляя предательскую дрожь в голосе. – Плод живой пока, срок тридцать пять недель, без пороков.

– Значит, не шибко недоношенный?

– Не шибко. Должен выжить. Что дальше делать будете?

– Подождем еще четыре дня. Если что, кесарево всегда сделать успеем. Не мамашу, так хоть ребенка спасем.

– А у нее самой какие шансы?

– Почти никаких, – Топыркин развел руками. – Обширный инсульт в бассейне левой мозговой артерии. А лечить мы ее как следует не можем – опять же из-за плода, чтоб не угробить его. Такие вот дела.

– Понятно, – буркнул Мятликов. – Значит, завтра я снова приду посмотреть – после трех, когда свободнее буду. А сейчас побегу.

– Что, замучили пациенты? – Топыркин сочувственно качнул головой. – Сбились в стаю, окружили кольцом и терзают, вырывают из бедного Паши мясо кусками, да еще и обещают при этом пожаловаться президенту Путину?

– Еще как терзают, – согласился Паша.

* * *

В полчетвертого, когда очередь наконец-то истаяла, испарилась из коридора, Паша включил приставку для трехмерной реконструкции, вставил кассету в видеоманитофон и обработал данные. Создал объемное изображение того, что наблюдал сегодня в реанимации утром. Результат не слишком его удивил. С экрана смотрело забавное личико – курносое, с толстыми губками, лысой головенкой. Из черепа торчали две аккуратных шишечки. Ножки и впрямь оказались козлиными, также наличествовал хвост, демонстрируя собой ложность теории диалектического материализма, а может и наоборот, подтверждая ее, только на новом, требующем особого подхода уровне. В самом деле – какие шутки, господи? Вот она, трехмерная эхограмма на дисплее компьютера, ее можно распечатать и представить в качестве доказательства любому эксперту. Пациентка беременна древнегреческим мифическим существом и приходится признать это как научный факт. Собственно говоря, все, что нужно сделать доктору Мятликову – сообщить об этом акушерам-гинекологам. Ясно, что самостоятельно родить такое чудо-юдо пациентка не сможет, даже если будет пребывать в полном здравии – рога сатирчика (так, что

ли, следует его называть?) вопреку ей в родах и летальный исход от кровопотери роженице гарантирован. Поэтому – только кесарево сечение. Пусть этим займутся гинекологи, а потом, если новорожденный будет жизнеспособен – педиатры. Пусть выхаживают его, определяют, человек он или нет, и куда его девать дальше – в детский дом или зоопарк.

...Нет, нет, нет. Павел еще раз взгляделся в забавное, беззащитное личико на экране. И вновь почувствовал к неродившемуся сатиричку симпатию – необъяснимую, возрастающую с каждой минутой. Он понял вдруг, что страстно желает, чтобы рогатый мальчонка выжил, и вырос, и нашел свою полянку, чтобы пить в компании подобных себе козлолюдей вино, и петь-блеять, и танцевать под музыку свирели.

Мятликов упрямо качнул головой, стер из памяти компьютера файл с реконструкцией, а затем уничтожил запись на кассете. С рациональной точки зрения это выглядело бессмыслицей – какая разница, есть ли записи, если плод сатира существует и без них, сам по себе. Однако Павел не думал сейчас о здравом смысле. Его выкинуло из области рационального и затянуло черт-те знает куда. И поступки его сейчас диктовались не разумом, но интуицией.

Нужно спросить у Экзофтальмика. Он должен знать, что все это значит. Должен. Только вот страшно к нему обращаться – от одной мысли о безумном Бассарее по коже доктора Мятликова начинали бегать трусливые мурашки.

Почему ты боишься его? – спросил сам себя Паша. И ответил: потому что он непонятен. Нет никакой информации о нем. И, стало быть, информацию нужно собирать.

Павел позвонил в АСУ и попросил к телефону Дмитрия Викторовича, главного компьютерщика больницы.

– Дим, – сказал он, – ты хвалился, что у тебя есть маленькая камера.

– Цифровая?

– Ну да, пусть цифровая. Главное, что маленькая. Есть?

– Да есть, есть.

– Маленькая?

– Да.

– Насколько маленькая?

– Микроскопическая! – рявкнул в трубку Дмитрий, выведенный из себя занудством Паши. – Полметра в длину, метр в толщину. Вес – два центнера с гаком!

– Дай мне ее на денечек.

– Зачем?

– Надо.

– Не сломаешь?

– Не сломаю.

– Ну ладно, – сдался Дмитрий. – Приходи и бери. Только не сломай.

* * *

В шесть вечера Павел занял наблюдательную позицию в «Евроспаре». Камера действительно оказалась небольшой – размером с ладонь. Паша поместил ее в старую кожаную барсетку, прорезав дыру для объектива, и вооружился пультом дистанционного управления. В магазине он поставил барсетку на полку с газетами и направил камеру на Экзофтальмика, дрейфующего по обычному своему маршруту. Включил прерывистый режим – один кадр в пять секунд. Сам же взял в руки толстый глянцевый журнал и сделал вид, что занят изучением его внутреннего содержимого – весьма богатого, если не сказать больше.

Через пять минут к нему подошла девушка – одна из красоток в фирменных зеленых блузках, в чьи обязанности входит присматривать за покупателями, информировать их о товарах и помогать приобретать как можно большее количество ненужных вещей.

– Здравствуйте, – девушка разразилась качественной белозубой улыбкой. – Вам помочь что-нибудь найти?

– Спасибо. – Мятликов с преувеличенной вежливостью приложил руку к сердцу и даже слегка поклонился. – Ваша помощь придется очень кстати. Не сообразовали ли вы, к примеру, показать мне, где находится печатное издание «За рулем»?

– Вот оно, пожалуйста. – Девушка ткнула длинным лакированным ногтем в журнал, расположившийся перед самым носом Павла.

– Ах, и в самом деле, как замечательно! – восхитился Павел. – А вот еще я слышал, что есть такой журнал – «Красота и здоровье». У вас он в наличии?

– Вот он, – девушка с некоторым недоумением показала на искомый объект, сиявший обложкой в центре полки.

– Отлично! – возрадовался Мятликов. – А «Аргументы и факты», газета такая, что, и она у вас есть?

– Да, конечно, вот она. – Девушка утратила энтузиазм, выражение экзальтированной радости ушло с ее лица. – Пожалуйста, приобретайте. Если вам что-то нужно найти, обращайтесь к сотрудникам супермаркета, находящимся в зале...

Она сделала попытку уйти, но Павел остановил ее.

– Подождите! – воскликнул он. – А издания на японском языке, есть ли они у вас? Я стараюсь следить за японской прессой, но что-то не нахожу здесь ни одного токийского таблоида...

– Такого нету, извините. – Девушка в последний раз сверкнула улыбкой, словно произвела суматошный, неприцельный выстрел перед отступлением, и спешно ретировалась.

Целых полчаса после этого Павла никто не беспокоил. Правда, секьюрити, прохаживающиеся мимо, бросали на него тяжеловатые взгляды – мол, что это за избу-читальню вы здесь устроили, товарищ в серой куртке? И потому пришлось выложить на полку стопку журналов, демонстративно предназначенных для покупки. Наконец прошло полчаса, Мятликов решил, что достаточно, облегченно вздохнул, положил в корзину четыре журнала (два из них действительно оказались интересными, еще два были достойны лишь меткого броска в ближайший мусорный бак), снял с полки камеру и пошел покупать заслуженный коньяк.

Заговорить с Экзофталмиком в этот день он так и не решился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.